Прихода Ирина Вениаминовна

ИСТОКИ "ДИАЛОГИЧНОСТИ" М. М. БАХТИНА: ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2011/3/77.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (46). С. 235-238. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2011/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Вновь актуализируется противопоставление Москвы и Петербурга по символико-географическому принципу. Жизнь - в Москве, именно туда в финале повести уезжает последняя знакомая рассказчику девушка из Петербурга. Москва и Петербург всё же переплетают свои судьбы посредством образования новой семьи: «Самой последней покинула город Настя - по нашей вине: мы сосватали ей мужа - нашего старого московского друга, соединив и окончательно перемешав все круги, людей и места, имевшиеся в нашем распоряжении» [Там же].

Подведём некоторые итоги. В повести А. Вяльцева антитеза «Москва-Петербург» реализуется посредством указания наиболее значимых сходств и различий двух городов, а также путём выявления предельно конкретных и эмпирических черт в их сопоставлении. В первом варианте сопоставления ведущая роль принадлежит противопоставлению московской и петербургской богемы, во втором - маркерам символико-географического пространства двух городов. Дальнейшие исследования в обозначенном направлении представляются весьма перспективными, ведь, по словам В. Белинского, «и Петербург и Москва - это две стороны, или лучше сказать, две односторонности, которые могут со временем образовать своим слиянием прекрасное и гармоничное целое, привив, друг другу то, что в них есть лучшего».

Список литературы

1. **Вяльцев А.** Путешествия в одну сторону: опыт мифологизации прошлого [Электронный ресурс] // Звезда. 2001. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/6/vjaltsev-pr.html (дата обращения: 10.01.2011).
2. **Дугин А.** От сакральной географии к геополитике [Электронный ресурс]. URL: http://elements.lenin.ru/1sacrgeo.htm (дата обращения: 14.01.2011).
3. **Топоров В. Н.** Петербург и «Петербургский текст русской литературы»: введение в тему // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Изд. группа «Прогресс»-«Культура», 1995. С. 259-367.

УДК 82-312.7

Ирина Вениаминовна Прихода
Челябинский государственный университет

ИСТОКИ «ДИАЛОГИЧНОСТИ» М. М. БАХТИНА: ПОЛИФОНИЧЕСКИЙ РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО©

Диалогичность находится в точке пересечения исследовательских интересов многих гуманитарных наук, изучающих различные аспекты человеческой деятельности, так или иначе связанных с реальной коммуникацией. Психология, философия, педагогика, журналистика, лингвистика - вот неполный список дисциплин, изучающих явление диалогичности в своих научных областях. В современной лингвистике отмечается все возрастающий интерес к коммуникативным аспектам языка. В фокусе внимания находится художественная коммуникация. В современных исследованиях наблюдается тенденция активного изучения статуса речевых субъектов художественной коммуникации как носителей определённых смысловых позиций, выявления способов воздействия на адресата, рассмотрения особенностей актуализации диалогических связей в различных типах текста. Диалогичность любого текста проявляется как своеобразный настрой на некоего реципиента, как импульс, с самого начала определяющий принципы текстопостроения.

Научные изыскания и положения многих лингвистов (Ю. Кристевой, Н. О. Гучинской, О. П. Воробьевой, В. Шмида, И. В. Шалыгиной и др.) построены на идее диалогичности известного отечественного ученого, философа и филолога, Михаила Михайловича Бахтина.

Диалог по праву может считаться главным героем всего творчества М. М. Бахтина.

Феномену диалога Бахтин придает универсальное значение. Диалогические отношения людей - не просто «одно из» проявлений их бытия, а явление, пронизывающее всю человеческую речь (и сознание), все отношения и проявления человеческой жизни, всё, что имеет смысл и значение.

«Быть - значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. <...> Два голоса - минимум жизни, минимум бытия» [2, с. 45].

Важнейшей бытийной характеристикой, порождающей диалог, Бахтин считает вовсе не необходимость передать, получить и т.д. некие сведения (содержания), а потребность человека отнестись к человеку. Говорящий установлен именно на «активно ответное внимание». По этому принципу монолог вливается в диалог.

Например, в художественном мире Ф. М. Достоевского, как его понимал Бахтин, личность живет и проявляет себя только в диалогическом общении, отнесенности к другой личности; другая личность доступна пониманию только через «диалогическое проникновение в нее», через диалогическое общение [6, с. 193].

© Прихода И. В., 2011

«Чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи, с ними можно только диалогически общаться. Думать о них - значит говорить с ними, иначе они тотчас же поворачивается своей объектной стороной: они замолкают, закрываются и застывают в завершенные объектные образы» [1, с. 55].

Бахтин считает, что самое существенное в человеке - его свобода, незавершенность, несовпадение с самим собой. Помимо того, что мы «объективно» видим в человеке, он постоянно имеет в себе какие-то возможности - то, что объективно не существует (желаемое, предполагаемое, воображаемое). Это скрыто от нашего взгляда и находится «внутри» человека. Поэтому он никогда не совпадает с тем, что он «уже» есть. «Пока человек жив, он живет тем, что еще не завершен и еще не сказал своего последнего слова». Потому-то «подлинная жизнь личности совершается как бы в точке этого несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли».

Бахтин отрицает безучастное познание личности и мира. Любой исследователь - «живой человек», подверженный своим пристрастиям и антипатиям, накрепко связанный со своим фактическим, единственным и неповторимым индивидуальным бытием. Претендовать на безучастное видение мира и другого человека можно лишь в абстракции, т.е. в отвлечении от того, что каждый из нас может видеть мир лишь своими собственными, человеческими, участными в мире глазами. «Никто не может занять нейтральной к я и другому позиции...». «...Даже богу, - замечает Бахтин, - надо было воплотиться, чтобы миловать, страдать и прощать, как бы сойти с отвлеченной точки зрения справедливости».

Понимание человеческой личности, как показывает Бахтин, возможно только благодаря диалогу. Человек изнутри самого себя не может ни понимать себя, ни даже стать собой. Мой дух изнутри себя не «видит» своих границ, не имеет образа себя. Только других я вижу как объекты - в целом и среди других объектов, т.е. вижу их границы, имею их образы. Сам для себя я не могу быть объектом. Я не вхожу в свой собственный кругозор… Только другие люди видят меня в целости. Чтобы охватить личность в целом, нужна позиция вненаходимости. Я вижу мир, вижу других в мире, но не себя в мире… Я вхожу в мир как главное действующее лицо, я вызываю у других удивление, восхищение, испуг, любовь, вижу у других выражение этих отношений ко мне, но себя не вижу. Мы ловим отражения нашей жизни в сознании других людей. Можно сказать, что другие дарят мне меня как нечто цельное и определенное [Там же, с. 67].

Такова диалогическая концепция бытия и познания личности. Бахтин развивает ее, опираясь на литературные произведения Ф. М. Достоевского, который, согласно Бахтину, является «величайшим новатором в области художественной формы».

Что же нового внес Достоевский в мир художественной прозы? На этот вопрос Бахтин отвечает в своей книге «Проблемы поэтики Достоевского».

Достоевский - автор не только принципиально новой формы романа, но и нового типа художественного мышления - полифонического мышления.

«Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основною особенностью романов Достоевского. Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события» [2, с. 114].

Действительно, герои Достоевского не столько объекты авторской мысли, сколько субъекты своего собственного, значимого слова. Сознание героя дано как чужое, другое, не являющееся объектом авторского сознания. Слово героя о самом себе так же значимо и полновесно, как и слово автора. Ему принадлежит исключительная самостоятельность в структуре произведения, оно звучит как бы рядом с авторским словом и особым образом сочетается с ним и с полноценными голосами других героев.

Первая глава книги «Проблемы поэтики Достоевского» посвящена освещению вопроса полифонии в критической литературе. Это происходит на постоянном, наблюдаемом на протяжении всей книги, противопоставлении монологического типа романов существенно новому романному жанру Достоевского - полифоническому роману. «…Поэтому-то его творчество не укладывается ни в какие рамки, не подчиняется ни одной из тех историко-литературных схем, какие мы привыкли прилагать к явлениям европейского романа. В его произведениях появляется герой, голос которого построен так, как строится голос самого автора в романе обычного типа…» [Там же, с. 197]. И обычные сюжетно-прагматические связи, характерные для монологического произведения, здесь недостаточны: они предполагают объектные, завершенные образы героев в авторском замысле, в единстве монологически воспринятого и понятого мира, а не «...множество равноправных сознаний с их мирами…».

Критическая литература о Достоевском, столкнувшись с многоголосием и пытаясь разобраться в этом новом художественном мире, не нашла другого пути, как «монологизировать» этот мир, то есть рассмотреть принципиально новые явления под углом зрения «старых» принципов и критериев. Одни, по словам Бахтина, проигнорировав сам замысел автора, а именно множественность «неслиянных сознаний», пытались свести их в одно монологическое целое. Другие ошибочно понимали романы Достоевского как социально-психологические, воспринимая полноценные сознания героев как опредмеченные образы - «психики» в авторском замысле.

Однако, исследуя критическую литературу о Достоевском, Бахтин называет немало авторов, которым удалось преодолеть этот барьер «монологизации» и хоть не полностью, не глубоко, но увидеть истинную, полифоническую и глубоко диалогическую природу произведений Достоевского.

Впервые основную структурную особенность художественного мира Достоевского нащупал Вяч. Вс. Иванов. Он так видит принцип мировоззрения Достоевского - утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект. Однако как этот принцип становится принципом художественного видения мира и художественного построения романа в целом, Вяч. Вс. Иванов не показал. И, несмотря на ряд ценных наблюдений, Иванов все же воспринимает роман Достоевского в рамках монологического типа. Он рассматривает основной принцип Достоевского - утверждать чужое «я» не как объект, а как субъект - как монологически сформулированное авторское мировоззрение, авторское сознание мира.

Сходно с Ивановым определяет основную особенность Достоевского и С. Аскольдов. Но и он остается в пределах монологизованного религиозно-этического мировоззрения Достоевского и монологически воспринятого содержания его произведений. Аскольдов правильно понял, что основное у Достоевского - совершенно новое видение и изображение внутреннего человека, а, следовательно, и связующего внутренних людей события, но перенес свое объяснение этого в плоскость мировоззрения автора и в плоскость психологии героев [Там же, с. 47].

К той же особенности, но с позиции художественного построения романа подходит Л. Гроссман. Он отмечает нарушение органического единства материала, требуемого обычным каноном, соединение «разнороднейших и несовместимейших» элементов в единстве романной конструкции, нарушение единой и цельной ткани повествования - и это для него основная особенность поэтики Достоевского. И, действительно, с точки зрения монологического понимания стиля роман Достоевского «многостилен или бесстилен», а с точки зрения понимания монологического тона - «многоакцентен и ценностно противоречив». На самом деле, «…несовместимейшие элементы материала Достоевского распределены между несколькими мирами и несколькими полноправными сознаниями, они даны не в одном кругозоре, а в нескольких полных и равноценных кругозорах, и не материал непосредственно, но эти мифы, эти сознания с их кругозорами сочетаются в высшее единство, так сказать, второго порядка, в единство полифонического романа» [Там же, с. 202].

Каждое мнение у него действительно становится живым существом и неотрешимо от воплощенного человеческого голоса.

Роман строится не как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания, но как целое взаимодействия нескольких сознаний, из которых ни одно не стало до конца объектом другого.

На множественность одинаково авторитетных идеологических позиций и на крайнюю разнородность материала указывает как на основную особенность романов Достоевского и Отто Каус в своей книге «Достоевский и его судьба». Вот как характеризует Каус эту исключительную многосторонность и многопланность Достоевского: «Достоевский - это такой хозяин дома, который отлично уживается с самыми пестрыми гостями, способен овладеть вниманием самого разношерстного общества и умеет держать всех в одинаковом напряжении…» [Там же, с. 234].

Исходя из данного сравнения, Каус и Бахтин объясняют саму природу возникновения полифонического романа - эпоха, капиталистическая эпоха, когда капитализм, особенно в России, застал нетронутым многообразие социальных миров и групп. Достоевский был субъективно причастен к этой противоречивой многопланности своего времени.

Полифонический роман Достоевского диалогичен. Но речь идет не об обычной диалогической форме подачи материала в его монологическом восприятии, а именно о «диалогичности», которой пропитан весь роман, каждое слово. Действительно, существенная диалогичность Достоевского вовсе не исчерпывается теми внешними, композиционно выраженными диалогами, которые ведут его герои. Между всеми элементами романной структуры существуют диалогические отношения - явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это - почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение.

Достоевский сумел прослушать диалогические отношения повсюду, где начинается сознание, там для него начинается диалог. Поэтому все отношения внешних и внутренних частей и элементов романа носят у него диалогический характер, и целое романа он строил как «большой диалог». Внутри этого «большого диалога» звучали, освещая и сгущая его, композиционно выраженные диалоги героев, и, наконец, диалог уходит внутрь, в каждое слово романа, делая его двуголосым, в каждый жест, в каждое мимическое движение лица героя, делая его перебойным и надрывным; это уже «микродиалог», определяющий особенности словесного стиля Достоевского [Там же, с. 123] .

Список литературы

1. **Бахтин М. М.** Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979. С. 7-180.
2. **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худ. лит., 1972. С. 434.
3. **Бочаров А. Б**. М. М. Бахтин: от филологии к философии, от металингвистики (метариторики) к философии языка [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/bocharov/ruseur_07.html (дата обращения: 17.02.2011).
4. **Демидов А. Б.** Феномены человеческого бытия [Электронный ресурс]. URL: http://psylib.org.ua/books/demid01/index.htm (дата обращения: 17.02.2011).

5. **Казаков А. А.** К проблеме целого полифонического романа // Диалог. Карнавал. Хронотоп. М., 2001. № 2. С. 4-58.
6. **Шалыгина И. В.** Теоретические и технологические ориентиры развития диалогичности педагогического мышления // Вестник российского гуманитарного научного фонда. 2000. № 1. С. 191-195.

УДК 81'42

Ксения Андреевна Устинова
Челябинский государственный университет

СУДЕБНЫЙ ДИСКУРС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА©

Актуальное в современном языкознании понятие «дискурс» на протяжении нескольких десятилетий занимает одно из ведущих мест в исследованиях языка и речи, вызывая особый интерес к своей сущности и неоднозначности ее трактования. Несмотря на большое количество работ, посвященных как дискурсу в целом, так и отдельным его разновидностям, в настоящее время не существует единого мнения касательно определения данного понятия и его подробной типологии.

Одним из самых спорных вопросов в понимании дискурса традиционно является соотношение понятий «дискурс» и «текст», представляющее особый интерес для исследователей дискурса. Приведем несколько определений, на наш взгляд, наиболее удачно раскрывающих взаимосвязь этих двух понятий.

Н. Д. Арутюнова понимает дискурс как: 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; 2) текст, взятый в событийном аспекте; 3) речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс - это речь, «погруженная в жизнь» [1, с. 136-137].

В. Е. Чернявская, обобщая различные подходы к соотнесению понятий «дискурс» и «текст», понимает под дискурсом: 1) «совокупность тематически соотнесенных текстов»; 2) конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве [5].

Ввиду многогранности дискурса, нам представляется возможным употребление данного понятия в разных его значениях в рамках нашего исследования юридического и судебного дискурсов.

Опираясь на вышеизложенные определения дискурса Н. Д. Арутюновой и В. Е. Чернявской, мы понимаем юридический дискурс как совокупность текстов, объединенных общей тематикой (закон, право, правовые отношения) и имеющих единую концептуальную основу (закон, право). Юридический дискурс часто выделяется исследователями как отдельный тип дискурса (В. И. Карасик, Н. Н. Миронова). В. И. Карасик относит юридический дискурс к институциональному, или статусно-ориентированному, типу дискурса, представляющему собой общение в строго заданных рамках статусно-ролевых отношений. Институциональному дискурсу противопоставляется персональный, или личностно-ориентированный дискурс, предоставляющий участникам дискурса полную свободу самовыражения, при этом участники дискурса являются относительно равными между собой и не ограничены определенной социальной ролью в процессе коммуникации [3].

Институциональный дискурс, по В. И. Карасику, выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Общей целью юридического дискурса можно считать соответствие закону и упорядочение каких-либо действий или явлений в соответствии с законом. Основными участниками институционального юридического дискурса являются представители института правосудия (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты) [Там же].

В современном мире юридический дискурс реализуется во многих сферах человеческой деятельности при возникновении разного рода ситуаций, относящихся к теме закона и права. В. Отто предлагает классификацию внутренней структуры, или «слоев» юридического языка: 1) язык законов: общие правовые нормы, предназначенные для профессиональных юристов и рядовых граждан; 2) язык судебных решений; 3) язык юридической науки и экспертиз; 4) язык ведомственного письменного общения: формуляры, памятки и т.д.; 5) административный жаргон: неофициальное обсуждение юридических вопросов специалистами [4].

Придерживаясь столь широкого понимания юридического дискурса как совокупности текстов, объединенных общей тематикой и концептуальной основой, мы предполагаем дальнейшее его дробление на отдельные субдискурсы, или виды, охватывающие более конкретные сферы его реализации. Именно в субдискурсах основополагающие концепты «закон» и «право» проявляют себя в частных случаях и служении конкретной цели. Мы не ставим задачу рассмотреть разнообразие видов юридического дискурса в данной статье и ограничимся сферой применения юридического дискурса в рамках судебного заседания, т.е. судебным дискурсом.

Судебный дискурс понимается нами как речевое и текстовое проявление юридического дискурса в рамках судебного заседания. Исходя из принятого нами определения юридического дискурса, определяя поня-

---

© Устинова К. А., 2011